

NIKIAS' «EULOGY» IN THUCYDIDES (7. 86. 5)
AND GREEK EPITAPHS

O.V. Ossipova

The author undertakes an interpretation of the characteristic given by Thucydides to the Athenian general Nicias after his death (7. 86. 5) comparing this «eulogy» with Greek epitaphs of the 6th–5th c. BC. This comparison seems appropriate because Thucydides was acquainted with epitaphs as well as with inscriptions of other types. It is well known that for ancient Greek historians inscriptions were not only sources of information, but also of terms, formulas and patterns of describing an event or characterizing a person. The paper shows that the comments given by Thucydides in his account of Nicias' death have much in common with topic and style of the epitaphs contemporary with Thucydides as well as the earlier ones. In this particular case the historian appears to have adopted both the traditional norms and values and the way to express them.

© 2001 г.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В АФИНАХ
В НАЧАЛЕ V в. до н.э.
И ПЕРВЫЕ ОСТРАКОФОРИИ*

Первые десятилетия V в. до н.э. – один из наиболее важных и интересных и в то же время наиболее загадочных периодов истории политической жизни Афин. После реформ, проведенных в конце предыдущего столетия Клисфеном, делала свои первые шаги афинская демократия. Сам «политический климат» стремительно менялся¹, претерпевали радикальную ломку условия политической деятельности, механизмы политической борьбы. Такого рода переломные моменты истории не могут не привлекать внимания исследователей, особенно если скудные и противоречивые свидетельства источников оставляют свободу для множества самых различных интерпретаций.

Автору данной статьи уже доводилось затрагивать один из аспектов политической борьбы в раннеклассических Афинах, а именно – роль Ареопага в событиях начала V в.² Ниже будет рассмотрен еще один вопрос, связанный с политическими перипетиями этого времени, – первые остракофории (480-е годы до н.э.) в контексте современной им борьбы группировок. Специфика данной проблемы заключается в том, что для ее решения, помимо свидетельств нарративной традиции, могут быть привлечены уникальные вещественные и эпиграфические памятники – острака, т.е. глиняные черепки, на которых в день остракофории афинские граждане писали имя того или иного неугодного им политика с целью добиться его изгнания.

Анализ острака в настоящая время становится, без преувеличения, одним из наиболее перспективных направлений в изучении афинской истории³. За последние десятилетия раскопок в распоряжении ученых оказался колоссальный материал⁴. Первый

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ (код проекта 00-01-00208а).

¹ *Frost F.J.* Tribal Politics and the Civic State // *American Journal of Ancient History*. 1976. 1. 2. P. 66–75. Cp. *Connor W.R.* The New Politicians of Fifth-Century Athens. Princeton, 1971. P. 18–22; *Ober J.* Mass and Elite in Democratic Athens. Princeton, 1989. P. 84–86; *Littman R.J.* Kinship and Politics in Athens 600–400 B.C. N.Y., 1990. P. 165–191; *Фролов Э.Д.* Политические лидеры афинской демократии // Политические деятели античности, средневековья и Нового времени. Л., 1983. С. 6–22.

² *Суриков И.Е.* Афинский ареопаг в первой половине V в. до н.э. // ВДИ. 1995. № 1. С. 32–35.

³ См. *он же.* Острака как источник по истории раннеклассических Афин // *Античный вестник*. Вып. 3. Омск, 1995. С. 107–114; *он же.* По поводу новой публикации острака // ВДИ. 1996. № 2. С. 143–146.

⁴ Исчерпывающая сводка зарубежных исследований об острака и остракизме дана в обзоре: *Martin A.* L'ostacisme athénien: un demi-siècle de découvertes et de recherches // *REG*. 1989. 102. P. 124–145. Из более

остракон был опубликован в 1870 г.⁵, и с тех пор количество этих памятников постоянно возрастало. Острака исчислялись сначала единицами, затем десятками и сотнями. К середине 1960-х годов общее число найденных острака составляло 1658 (основными местами находок были Агора и Керамик), а в 1966 г. произошел настоящий переворот: в ходе раскопок в высохшем русле реки Эридан на внешнем Керамике немецкими археологами было обнаружено более 8,5 тысяч острака.

Таким образом, общее число найденных острака приближается на сегодняшний день к 11 тысячам. К сожалению, публикация новых экземпляров затянулась и продвигается крайне медленно. Даже теперь, 35 лет спустя после находки, общее количество опубликованных острака (в том числе найденных и до 1966 г.) не превышает двух тысяч⁶.

Для исследователя истории классических Афин информация, содержащаяся на острака, поистине неоценима. Она в значительной мере уточняет и корректирует краткие сведения Аристотеля, Плутарха и других античных авторов⁷ об остракизмах 480-х годов. В этот период едва ли не ежегодно проводились остракофории, почти всегда оканчивавшиеся изгнанием того или иного политика.

Помимо острака, называющих ранее известных лиц (Мегакла, сына Гиппократа, Ксантиппа – отца Перикла, Алкивида Старшего, Аристида, Фемистокла и др.) и уточняющих датировку их остракизов, есть и группа других, на которых значатся имена прежде неизвестных политиков, бывших, как минимум, «кандидатами» на изгнание. Характерно, что среди них чрезвычайно большую долю составляют представители знаменитого афинского рода Алкмеонидов. Наиболее заметны по числу найденных острака Калликсен, сын Аристонида (280 экземпляров), и особенно Каллий,

---

новых работ следует назвать: *Phillips D.J. Observations on Some Ostraka from the Athenian Agora // ZPE. 1990. 83. S. 123–148; Willemsen F. Ostraka einer Meisterschale // MDAI(A). 1991. 106. S. 137–145; Siewert P. Accuse contro i «candidati» all'ostracismo per la loro condotta politica e morale // Contributi dell'Istituto di storia antica (Milano). 1991. 17. P. 3–14; Kinzl K.H. AP 22. 4: The Sole Source of Harpokration on the Ostrakismos of Hipparkhos Son of Kharmos // Klio. 1991. 73. 1. S. 28–45; Mattingly H.B. The Practice of Ostracism at Athens // Antichthon. 1991. 25. P. 1–26; Christ M.R. Ostracism, Sycophancy, and Deception of the Demos // CQ. 1992. 42. 2. P. 336–346; Brenne S. «Portraits» auf Ostraka // MDAI(A). 1991. 107. S. 161–185; idem. Ostraka and the Process of Ostrakophoria // The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxf., 1994. P. 13–24; Musti D. La chronologie du chapitre 22 de l' 'Αθηναίων Πολιτεία sur l'ostracisme // Aristote et Athènes. P., 1993. P. 251–259; Keane J.J. Theophrastus on Ostracism and the Character of his NOMOI // Ibid. P. 261–278; Doenges N.A. Ostracism and the Boulai of Kleisthenes // Historia. 1996. 45. 4. S. 387–404; Stanton G.R. A Graffito on a Megakles Ostrakon // ZPE. 1996. 111. S. 69–73; Mirhady D.C. The Ritual Background to Athenian Ostracism // Ancient History Bulletin. 1997. 11. 1. P. 13–19; Culasso Gastaldi E. Il doppio ostracismo di Megakles Hippokratous // Rendiconti dell'Accademia nazionale dei Lincei. Classe di scienze morali, storiche e filologiche. 1997. 8. 2. P. 253–271; Де Либери Л. 'Εκτός или ἐντός? Назначение места изгнания (Arist. Ath. pol. 22,8) и остракон против Мегакла // Проблемы истории, филологии, культуры. 1998. 5. С. 89–95. В отечественной историографии вопрос почти не затрагивался. См. Гинзбург С.И. О дате издания закона об остракизме в Афинах // Город и государство в античном мире. Л., 1987. С. 44–55; он же. Остракизм как орудие политической борьбы в Афинах V в. до н.э. // Государство, политика и идеология в античном мире. Л., 1990. С. 32–42. Разумеется, отдельные замечания об остракизме можно встретить в работах общего характера (С.Я. Лурье, Л.М. Глускиной, Л.П. Маринович, Э.Д. Фролова, В.М. Строгоцкого, С.Г. Карпука и др.).*

⁵ Это остракон с именем Мегакла (IG I².908.1), найденный в 1867 г. на Акрополе. Граффито с именем Менестрата (IG I².915), обнаруженное еще в 1853 г., вряд ли является остраконом (Thomsen R. The Origin of Ostracism. Copenhagen, 1972. P. 70).

⁶ Сравнительно недавно осуществлена полная научная публикация острака с Агоры: *Lang M. Ostraka (The Athenian Agora. V. 25). Princeton, 1990* (впрочем, со времени этой публикации уже были новые находки; см. в частности: *Camp J.M. Excavations in the Athenian Agora, 1996 and 1997 // Hesperia. 1999. 68. 3. P. 268–274*). Старые публикации острака с Керамика: *Peek W. Inschriften, Ostraka, Fluchtafeln (Kerameikos. Bd 3). В., 1941. S. 51–87; Willemsen F. Ostraka // MDAI(A). 1965. 80. S. 100–126*. Для огромного количества находок 1966 г. пока существует лишь перечень (*Willemsen F., Brenne S. Verzeichnis der Kerameikos-Ostraka // MDAI(A). 1991. 106. S. 147–156*) и разрозненные публикации отдельных интересных экземпляров.

⁷ *Arist. Ath. pol. 22; Plut. Aristid. 7; Them. 22; Nic. 11; ср. [Andoc.] IV. 34–35; Androtion. FGnH 324 F 6; Philoch. FGnH 328 F 30; Diod. XI. 55. 1–3.*

сын Кратия (763 экземпляра)⁸; последний ныне не без основания отождествляется с не названным по имени в «Афинской политике» Аристотеля (22.6) политиком, изгнанным в 485 г. до н.э.⁹ Изгнание же Калликсена, если оно имело место (а этого нельзя утверждать с уверенностью), состоялось в 483 г.¹⁰ Калликсен безусловно был Алкмеонидом; с немалой долей уверенности это можно сказать и о Каллии¹¹. Абсолютным «рекордсменом» по числу упоминаний на острака является также Алкмеонид – Мегакл, сын Гиппократ, изгнанный в 486 г. (4662 экземпляра).

На многих острака, помимо имени, присутствуют разного рода приписки. Приписки эти весьма важны как современные и безусловно аутентичные свидетельства борьбы в афинском общественном мнении, пропагандистских приемов, применявшихся в политической жизни¹². Так, Калликсен назван на острака «предателем» (προδοτής) и «бесчестным» (ἀτίμος), Каллий – «мидянином» (ὁ Μῆδος или ἐκ Μῆδων; на одном его остраконе изображена карикатура – человек в персидском платье), Аристид – «братом Датиса», персидского полководца (τὸν Δάτιδος ἀδελφόν), и «прогнавшим молящих о защите» (ὅς τοὺς ἰκέτας ἀπέωσεν), Мегакл – «развратником» (μοιχός), Фемистокл обвинен в гомосексуализме (καταπύγων), Кимона попрекают сестрой (Κίμων Μιλτιάδου Ἑλληνίκτην λαβῶν ἴτω)... Наконец, один из острака, направленный против Ксантиппа, содержит целую эпиграмму (элегический дистих):

Более всех преступен из оскверненных пританов –
Сей черепок гласит – сын Аррифрона Ксантипп¹³.

Остракизм был введен в ходе преобразований Клисфена¹⁴, хотя сам этот способ изгнания, скорее всего, не является изобретением реформатора. Античная традиция (правда, достаточно поздняя, но восходящая по меньшей мере к Феофрасту) называет первым лицом, подвергшимся остракизму, Тесея¹⁵, и вряд ли совершенно обосновательно. Высказывалось предположение, что остракизмом пользовались еще во времена Писистратидов¹⁶, но процедура была иной, – например, прерогатива в этом

⁸ Цифры приводятся по кн.: Lang. Op. cit. P. 65–66.

⁹ Bicknell P.J. Studies in Athenian Politics and Genealogy. Wiesbaden, 1972. P. 64–76; Thomsen. Op. cit. P. 99; Schreiner J.H. The Origin of Ostracism Again // *Classica et mediaevalia*. 1976. 31. P. 88; Williams G.M.E. The Kerameikos Ostraka // *ZPE*. 1978. 31. S. 103–113; Rhodes P.J. A Commentary on the Aristotelian *Athenaion Politeia*. Oxf., 1981. P. 274; Mattingly. Op. cit. P. 2; Murray O. Early Greece. 2nd ed. L., 1993. P. 285–286.

¹⁰ Vanderpool E. Ostracism at Athens. Cincinnati, 1970. P. 9 ff.; Bicknell P.J. Agora Ostrakon P7103 // *L'Antiquité Classique*. 1974. 43. P. 334–337; Seibert J. Die politischen Flüchtlinge und Verbannten in der griechischen Geschichte. Darmstadt, 1979. S. 35; Phillips D.J. Athenian Ostracism // *Hellenika: Essays on Greek Politics and History*. North Ryde, 1982. P. 28; Stein-Hölkeskamp E. *Adelskultur und Polisgesellschaft*. Stuttgart, 1989. S. 193–205; Brenne. «Portraits»... S. 162.

¹¹ О них см. Stamires G.A., Vanderpool E. Kallixenos the Alkmeonid // *Hesperia*. 1950. 19. 4. P. 376–390; Shapiro H.A. Kallias Kratiou Alopekethen // *Hesperia*. 1982. 51. 1. P. 69–73.

¹² Об этих приемах см. Siewert. Op. cit.; Brenne. Ostraka...

¹³ Греческий текст см. Суриков. По поводу новой публикации острака. С. 144. Интерпретации этой надписи посвящена немалая литература. Последние работы: Merkelbach R. Nochmals das Xanthippos-Ostrakon // *ZPE*. 1986. 62. S. 57–62; Figueira T.J. Xanthippos, Father of Perikles, and the Prutaneis of the Naukraroi // *Historia*. 1986. 35. 3. S. 257–279. Надписи на ряде острака приведены в издании: Meiggs R., Lewis D. *A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C.* Revised ed. Oxf., 1989. № 21. P. 40–47.

¹⁴ Наиболее подробно вопрос о введении остракизма рассмотрен в монографии: Thomsen. Op. cit.

¹⁵ Schol. Aristoph. *Plut.* 627; Euseb. *Chron.* II. 50 Schoene; Suid. s.v. ἀρχὴ Σκυρῶν (со ссылкой на Феофраста); s.v. Θηρολοισιν; Eustath. ad *Hom.* II. IX. 666 (со ссылкой на Феофраста). Для более подробной трактовки вопроса о «предыстории» остракизма см. Hall L.G.H. Remarks on the Law of Ostracism // *Tyche*. 1989. 4. S. 91–100; Mirhady. Op. cit.; Молчанов А.А., Суриков И.Е. У истоков остракизма // *Власть, человек, общество в античном мире*. М., 1997. С. 252–260.

¹⁶ На Агоре найден остракон (черепок сосуда геометрического стиля конца VIII в. до н.э.) с именем Писистрата, пока не получивший удовлетворительной интерпретации. О нем см. Meritt B.D. An Early Archaic List // *Hesperia*. 1939. 8. 1. P. 59–65; Hands A.R. Ostraka and the Law of Ostracism // *JHS*. 1959. 79. P. 69–78;

вопросе могла принадлежать Совету четырехсот. На это, кажется, указывает один текст византийского времени (XV в.): согласно его свидетельству, вначале вопрос об остракизме решал Совет (Βουλή), а для изгнания требовалось набрать более 200 голосов (ὄτω δὲ ἄν ὑπὲρ διακόσια γένηται τὰ ὄστρακα φεύγειν ἕτη δέκα)¹⁷, т.е. простое большинство. Возможно, Клисфен передал остракизм в ведение народного собрания и придал его применению систематический характер¹⁸.

Если верить Аристотелю (Ath. pol. 22. 4), чье сообщение восходит к Андротиону (FGhN 324 F 6), закон об остракизме был направлен Клисфеном против Гиппарха, сына Харма. Это кажется странным: вряд ли Гиппарх уже в последние годы VI в. до н.э. мог представлять для реформатора серьезную опасность, а закон об остракизме должен был быть одним из первых в числе клисфеновских нововведений. После злополучного посольства в Сарды (507/6 г.) «отец-основатель» афинской демократии уже не имел достаточной популярности для проведения столь серьезной меры¹⁹. А. Раубичек высказывал, правда, предположение, что престарелый Клисфен возвратился из политического «небытия» после Марафонской битвы именно с тем, чтобы ввести закон об остракизме²⁰. Но эта экзотическая гипотеза, в сущности ни на чем не основанная, не была поддержана, кажется, больше никем из исследователей²¹.

Весьма убедительной представляется, напротив, гипотеза, согласно которой закон об остракизме был направлен Клисфеном против Исагора²². Однако в то время закон не пригодился, поскольку Исагор пал и без применения остракизма, скомпрометировав себя призыванием в Афины спартанского царя Клеомена. Необходимо согласиться и с замечанием С.Г. Карпюка, что процедура остракизма была в определенном отношении внесением «правил игры» в политическую борьбу: изгнание остракизмом не сопровождалось конфискацией имущества и преследованием семьи, не вело оно и к поражению в правах²³.

Сообщение Элиана (Var. hist. XIII. 24) об изгнании остракизмом самого Клисфена представляется совершенно невероятным, противореча всей остальной нарративной традиции и не находя себе подтверждения в материале острака. Но в любом случае встает серьезный вопрос: почему остракизм был впервые успешно применен лишь в 487 г. до н.э.? Возможны два варианта ответа: либо до того он вообще не применялся, либо применялся безуспешно. Соответствующий пассаж Аристотеля (τότε πρῶτον ἐχρήσατο τῷ νόμῳ περὶ τὸν ὄστρακισμόν – Ath. pol. 22. 3) в принципе допускает и ту, и другую интерпретацию. Для того, чтобы попытаться ответить на вопрос с достаточной долей вероятности, необходимо проанализировать внутривнутриполитическую ситуацию в Афинах начала V в. до н.э.

Harvey F.D. Literacy in the Athenian Democracy // REG. 1966. 79. P. 591; Jeffery L.H. The Local Scripts of Archaic Greece. Oxf., 1969. P. 70; Develin R. Cleisthenes and Ostracism: Precedents and Intentions // Antichthon. 1977. 11. P. 10–21; idem. Bouleutic Ostracism Again // Antichthon. 1985. 19. P. 7–15; Arnush M.F. The Career of Peisistratos Son of Hippias // Hesperia. 1995. 64. 2. P. 135–162.

¹⁷ Vaticanus Graecus 1144, fol. 222^v. Полный текст свидетельства см. Keaney J.J., Raubitschek A.E. A Late Byzantine Account of Ostracism // AJPh. 1972. 93. 1. P. 87–91; Pecorella Longo Ch. La bulé e la procedura dell' ostracismo; considerazioni su Vat. Gr. 1144 // Historia. 1980. 29. 3. S. 257–281.

¹⁸ Недавно выдвинутая гипотеза, согласно которой остракизм был передан в ведение народного собрания лишь в 480-х годах. (Doenges. Op. cit.), основывается на ряде неверифицируемых натяжек.

¹⁹ Cp. Hands. Op. cit. P. 69 f.

²⁰ Raubitschek A.E. The Origin of Ostracism // AJA. 1951. 55. 3. P. 221–229.

²¹ Аргументированную критику гипотезы Раубичека см. Robinson C.A. Cleisthenes and Ostracism // AJA. 1952. 56. P. 23–26; Thomsen. Op. cit. P. 26 ff.

²² Stanton G.R. The Introduction of Ostracism and Alcmeonid Propaganda // JHS. 1970. 90. P. 180–183; Knight D.W. Some Studies in Athenian Politics in the Fifth Century B.C. Wiesbaden, 1970. P. 13–32; Thomsen. Op. cit. P. 141; Littman. Op. cit. P. 151.

²³ Карпюк С.Г. Клисфеновские реформы и их роль в социально-политической борьбе в позднеархаических Афинах // ВДИ. 1986. № 1. С. 24. О позитивных чертах института остракизма см. также Kagan D. The Origin and Purposes of Ostracism // Hesperia. 1961. 30. 4. P. 401; Thomsen. Op. cit. P. 141–142.

Но предварительно должна быть решена чрезвычайно сложная проблема: что представляет собой число 6000, фигурирующее в источниках в связи с остракизмом, – кворум для признания процедуры состоявшейся или минимальное количество голосов для изгнания? В историографии наличествуют обе точки зрения²⁴. В пользу первого предположения (о кворуме) свидетельствует Плутарх (Aristid. 7)²⁵. Однако не менее, если не более авторитетный писатель – аттидограф Филохор (FGrH 328 F 30) – дает противоположное толкование этой цифры²⁶. Аналогичное Филохору свидетельство содержит цитировавшийся выше византийский текст, опирающийся, судя по всему, на ранний и аутентичный источник, скорее всего на Феофраста²⁷. Следует добавить, что в сообщении этого источника присутствует внутренняя логика, исключающая какую-либо путаницу. Действительно, если в связи с остракофориями в Совете фигурирует число 200, то это никак не может быть кворум: кворум для Совета должен составлять значительно большее число. Коль скоро 200 черепков не являются кворумом, то, следовательно, кворумом не могут быть и 6000 для более поздней эпохи²⁸.

Если, доверяя Плутарху, признать, что кворум для остракизма все-таки существовал, то он мог выражаться в какой-то другой, значительно большей цифре, что обусловлено важностью самого мероприятия. На остракофорию, в отличие от обычных народных собраний, собирались отнюдь не только горожане. Сходились в Афины в эти дни даже полуграмотные крестьяне из дальних демов; об этом свидетельствуют и Плутарх (Aristid. 7), и тексты на самих острака, написанные зачастую совершенно неумелой рукой, зачастую, – возможно, профессиональными писцами, присутствовавшими на Агоре специально для такого рода надобностей²⁹. В подобных условиях, несомненно, количество присутствующих должно было намного превосходить 6000³⁰.

Впрочем, не ясно, существовало ли вообще в Афинах начала V в. до н.э. представление о кворуме для народного собрания (в нашем понимании). Согласно убедитель-

²⁴ Например: Brenne. Ostraka... P. 22; Карпюк С.Г. Гипербол, «человек негодный» // ВДИ. 1998. № 4. С. 150 (кворум); Hands. Op. cit. P. 74; Гинзбург С.И. Малоизвестный византийский источник об остракизме // Античное общество и государство. Л., 1989. С. 41–51 (минимальное число голосов для изгнания).

²⁵ «Сначала архонты подсчитывали, сколько всего (τὸ σύνταμ ἐν ταύτῳ) набралось черепков: если их было меньше шести тысяч (ἑξακισχίλων ἐλάττωες), остракизм признавали несостоявшимся (ἀτέλης). Затем все имена раскладывались порознь (ἰδίᾳ), и тот, чье имя повторялось наибольшее число раз (τὸν ἴπὸ τῶν πλείστων γεγραμμένον), объявлялся изгнанным на десять лет» (перевод С.П. Маркиша).

²⁶ Попытка А. Раубичека доказать, что на деле у Филохора речь также идет о кворуме (Raubitschek A.E. Philochoros frag. 30 (Jacoby) // Hermes. 1955. 83. 1. S. 119–120), не кажется нам убедительной. Поскольку Филохор – автор значительно менее известный, чем Плутарх, его текст представляется необходимым полностью привести в оригинале: διαριθμηθέντων δὲ ὅτῳ πλείστα γένοιτο (sc. ὄστρακα) καὶ μὴ ἐλάττω ἑξακισχίλων, τοῦτον ἔδει... μεταστῆναι τῆς πόλεως ἕτη δέκα – «после подсчета черепков тот, кому выпало наибольшее их число, причем не менее шести тысяч, должен был... удалиться из города на десять лет».

²⁷ Keaney, Raubitschek. Op. cit. P. 91. Если это действительно так, то у Плутарха, отделенного от описываемых событий временной дистанцией в полтысячелетия и к тому же не указывающего здесь свой источник, оказываются весьма мощные «противники»: Феофраст, специально занимавшийся остракизмом (Raubitschek A.E. Theophrastos on Ostracism // Classica et mediaevalia. 1958. 19. P. 73–109; Keaney. Op. cit.), и Филохор, который по долгу аттидографа должен был в высшей степени скрупулезно изучить афинскую историю.

²⁸ Ср. Гинзбург. Малоизвестный византийский источник... С. 47.

²⁹ О методах работы таких писцов см. Суриков И.Е. К интерпретации острака с северного склона Акрополя // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва – Магнитогорск, 1998. 6. С. 30–33.

³⁰ Общее число взрослых граждан мужского пола, имевших право участвовать в остракофориях, составляло в Афинах V в. до н.э. никак не менее 30–40 тысяч, а возможно, доходило и до 60 тысяч. См. Hansen M.H. Three Studies in Athenian Demography. Copenhagen, 1988. P. 10, 25–27; Медовичев А.Е. Политическая идеология и практика функционирования афинской демократии: факторы стабильности (зарубежная историография) // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. РЖ ИНИОН. Сер. 5. История. 1998. № 4. С. 26.

ным соображениям О. Меррея³¹, главной целью политики в полисном мире было единство, а не компромисс; политическая жизнь была основана не на балансе противоборствующих интересов и сил, а на формировании единой, целостной воли к действию. В этих условиях ключевым понятием должен был стать не кворум, а именно степень единства, единомыслия (*ὁμόνοια*), что, видимо, и выражалось в требовании минимума в 6000 голосов, направленных против одного лица.

Как отмечалось выше, внутривнутриполитическая борьба рассматриваемого периода – один из наиболее неясных и дискуссионных моментов всей афинской истории³². Информации, содержащейся в источниках, недостаточно много, чтобы нарисовать однозначную картину, но в то же время недостаточно, чтобы просто отказаться от любых реконструкций. К случайным и разрозненным сообщениям Геродота, Фукидида, спорным и не всегда аутентичным сведениям Диодора, Плутарха, Корнелия Непота и других поздних авторов в конце прошлого века прибавился, пожалуй, наиболее ценный источник – «Афинская полития» Аристотеля (или какого-то автора из его круга³³). Именно на этом трактате в течение долгого времени основывалась реконструкция афинской внутренней политики рассматриваемого периода.

Однако со временем отношение к памятнику стало – и не без основания – значительно более критичным. Естественно, Аристотель, не будучи непосредственным свидетелем описываемых им событий, вынужден был черпать информацию из предшествующей традиции. Несомненна его значительная зависимость от риторической историографии IV в. до н.э. (прежде всего от аттидографов), сложившейся под влиянием политической публицистики конца V – первой половины IV в.³⁴ При этом автор «Афинской политии» дает порой упрощенную и одностороннюю картину событий. Он в определенной степени модернизирует ситуацию, судит о более ранней эпохе с помощью категориального аппарата своего времени (во многом чуждого реалиям ранней классики), сквозь призму дихотомии «демократы – олигархи»³⁵. Есть все основания полагать, что реальная картина политической борьбы была намного сложнее, чем «двухпартийная схема», предлагаемая Стагиритом: политическая жизнь раннеклассических Афин была не биполярной, а полицентричной³⁶.

Уже давно не нуждается в доказательствах то положение, что политические группировки этого периода не были «партиями» в современном смысле слова³⁷. И дело даже не столько в отсутствии формальных признаков партии (программа, устав,

³¹ Murray O. *Cities of Reason // The Greek City: From Homer to Alexander*. Oxf., 1991. P. 21.

³² Важнейшую зарубежную литературу по этому вопросу см. Суриков. Афинский ареопаг... С. 33. Прим. 51. В отечественной историографии вопрос освещен в значительно меньшей степени (*Строгелцкий В.М.* Полис и империя в классической Греции. Нижний Новгород, 1991. С. 35–44; *Ставнюк В.В.* Особенности политической борьбы в Афинах в начале V в. до н.э. // *Античность и раннее средневековье*. Нижний Новгород, 1991. С. 26–37).

³³ Об авторстве «Афинской политии» см. *Rhodes*. Op. cit. P. 58–63. Широкому кругу источниковедческих проблем, связанных с трактатом, посвящен сборник: *Aristote et Athènes. Études rassemblées par M. Piérart*. P., 1993. См. рец.: Суриков И.Е. // ВДИ. 1995. № 4. С. 209–212.

³⁴ Лучшие работы о складывании аттидографической традиции: *Jacoby F.* *Atthis: The Local Chronicles of Ancient Athens*. Oxf., 1949; *Pearson L.* *The Local Historians of Attica*. Repr. ed. Ann Arbor, 1981.

³⁵ Ср. *Day J., Chambers M.* *Aristotle's History of Athenian Democracy*. Berkeley, 1962; *Schreiner J.H.* *Aristotle and Perikles: A Study in Historiography*. Oslo, 1968.

³⁶ Кстати, тот же полицентризм, «сегментация политической жизни» обнаруживается даже в Афинах эпохи самого Аристотеля (*Маринович Л.П.* Греки и Александр Македонский. М., 1993. С. 56–134).

³⁷ Следует отметить, что применительно к Афинам политические группировки анализировались в литературе преимущественно на материале IV в. до н.э., например: *Strauss B.S.* *Athens after the Peloponnesian War*. Croom Helm, 1986. P. 11–41; *Hansen M.H.* *The Athenian Assembly: In the Age of Demosthenes*. Oxf., 1987. P. 72–86; *Ober J.* *The Athenian Revolution: Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory*. Princeton, 1999. P. 18–31; *Маринович*. Ук. соч. Однако все, что сказано, не в меньшей, если не в большей мере относится к группировкам V в. К характеристике последних см. также Суриков И.Е. Демократия и гетерии: некоторые аспекты политической жизни Афин V в. до н.э. // *Власть, человек, общество в античном мире*. М., 1997. С. 89–99.

фиксированное членство, аппарат и т.п.), сколько в том, что они опирались не на какие-либо принципиальные идейные убеждения, а на личную, семейную, локальную основу, на связи и соперничество отдельных аристократических групп и их окружения³⁸. Однако нельзя отрицать, что все же имело место различие позиций этих группировок, иначе становилось бы бессмысленным само их существование. Но в таком случае это различие должно было лежать в сфере не внутренней, а внешней политики³⁹.

Действительно, отдельные знатные семьи имели тяготения или пристрастия родственного, дружеского и иного (в том числе, возможно, и экономического) характера именно во внешнеполитическом плане. Один аристократический род имел тесные связи со Спартой, другой – с Ионией, третий – скажем, с Аргосом или Фивами. Это и определяло позицию группировки, сложившейся вокруг данного рода. Ключевым вопросом борьбы было отнюдь не социально-политическое устройство (аристократия, демократия, олигархия), а именно внешняя ориентация, диктуемая как традицией, так и конкретной ситуацией.

Какова могла быть в рассматриваемый период суть разногласий по вопросам этой ориентации? Двумя наиболее важными проблемами в данной сфере являлись, безусловно, отношения с Персией и со Спартой. Персия была сильнейшим и опаснейшим восточным соседом, Спарта – главным конкурентом и партнером Афин в самой Элладе. Позиции, занятые той или иной группировкой относительно этих двух центров, и лежали в основе внешнеполитических расхождений.

При внимательном рассмотрении можно обнаружить в Афинах начала V в. (выберем условной точкой отсчета 490 г. до н.э., год Марафонского сражения) по меньшей мере четыре политических группировки. Относительно слабая группировка «друзей тиранов» (φίλοι τῶν τυράννων) возглавлялась после изгнания Гиппия его родственником Гиппархом, сыном Харма (Arist. Ath. pol. 22.4)⁴⁰. Группировка, вне сомнения, придерживалась выраженной проперсидской ориентации, поскольку бежавший из Афин Гиппий находился в Персии (Thuc. VI. 59.4). Должны были «друзья тиранов» в какой-то степени симпатизировать и Спарте, так как незадолго до того, около 506–504 гг. до н.э. спартанский царь Клеомен I предпринял попытку восстановить тиранию Гиппия в Афинах (Herod. V. 91–94)⁴¹.

Группировка, возглавлявшаяся родом Алкмеонидов, привлекала наибольшее внимание исследователей⁴², поскольку была в это время, судя по всему, наиболее влиятельной. Лидером группировки в начале V в., после Клисфена, был либо племянник реформатора Мегакл, сын Гиппократа, либо, что более вероятно, Ксантипп, тесно породнившийся с Алкмеонидами⁴³. Алкмеониды еще с начала VI в. до н.э. поддерживали контакты с Востоком, с лидийским царством Мермнадов⁴⁴. После превращения Лидии в персидскую сатрапию они были, безусловно, заинтересованы в сохранении этих налаженных и выгодных связей. Именно этой цели, в числе прочих, должно было

³⁸ Нередко исследователи применяют к этому окружению римский термин «клиентела»: *Mossé C. De l'ostracisme aux procès politiques // Instituto universitario orientale (Napoli). Annali. Sezione di archeologia e storia antica. 1985. 7. P. 17–18.*

³⁹ Ср. *McGregor M.F. The Pro-Persian Party at Athens from 510 to 480 B.C. // Athenian Studies Presented to W.S. Ferguson. Camb. Mass., 1940. P. 71–95; Thomsen. Op. cit. P. 123; Littman. Op. cit. P. 155 ff.*

⁴⁰ Выказывалось предположение, что в Афинах в начале V в. находился Писистрат Младший, сын тирана Гиппия (*Meritt. Op. cit.; Arnush. Op. cit.*), но оно представляется совершенно фантастическим.

⁴¹ *Cawkwell G.L. Sparta and her Allies in the Sixth Century // CQ. 1993. 43. 2. P. 364 ff.*

⁴² *Cloché P. La politique des Alcmaeonides de 507 à 482 av. J.-C. // REA. 1928. 30. 4. P. 269–279; Gillis D. Marathon and the Alcmaeonids // GRBS. 1969. 10. 2. P. 133–145; Williams G.M.E. The Image of the Alcmaeonidae between 490 B.C. and 487/6 B.C. // Historia. 1980. 29. 1. S. 106–110; Lavelle B.M. The Sorrow and the Pity: A Prolegomenon to a History of Athens under the Peisistratids. Stuttgart, 1993. P. 27–42.*

⁴³ *Суриков И.Е. Перикл и Алкмеониды // ВДИ. 1997. № 4. С. 18–19.*

⁴⁴ Подробнее см. *он же. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000. С. 66–70.*

послужить афинское посольство 506 г. ко двору персидского сатрапа в Сардах (Herod. V. 73)⁴⁵. Клисфен, глава рода, простать демоса и наиболее влиятельное лицо в тогдашних Афинах, никак не мог быть непричастен к этому посольству. Можно с уверенностью утверждать, что именно он явился его инициатором⁴⁶. Впрочем, на том этапе, еще до начала Греко-персидских войн, в подобного рода посольстве не было и не могло быть ничего предосудительного.

И впоследствии Алкмеониды стремились до последней возможности избежать полного разрыва отношений с Персией и начала прямых военных действий. Их отношение к этому государству в начале V в. диктовалось рядом факторов. Помимо нежелания окончательного прекращения восточных контактов, Алкмеониды должны были рассматривать державу Ахеменидов как своего рода противовес Спарте, стремившейся вернуть Афины в сферу своего влияния. Но в то же время их вряд ли устраивала ориентация персов на реставрацию тирании Гиппия (Herod. V. 96). Таким образом, позиция Алкмеонидов была умеренно персофильской, причем с возрастающим отталкиванием от Персии.

В достаточной мере дружественные отношения Алкмеонидов со Спартой существовали на рубеже 520–510-х годов, хотя и в опосредованной форме, через Дельфы. Именно они повели к изгнанию из Афин Гиппия и возвращению Алкмеонидов (Herod. V. 63–65). Но эти контакты были весьма кратковременными: уже в 507 г. поход Клеомена I на Афины (Herod. V. 72) засвидетельствовал полный разрыв⁴⁷. На протяжении всего V века до н.э. Алкмеониды занимают однозначно антиспартанскую позицию, более традиционную для них.

Сильная политическая группировка создалась вокруг рода Филаидов, главой которого в этот период был Мильтиад Младший. Этот политик, безусловно, придерживался выраженной антиперсидской ориентации, поскольку имел к персам личные счеты: во время карательных экспедиций персидского флота в Эгеиде в 493 г. он был вынужден бежать с Херсонеса Фракийского в Афины⁴⁸. К Спарте же Мильтиад, насколько можно судить, питал симпатии. Его сын Кимон впоследствии снискал репутацию едва ли не самого знаменитого афинского лаконофила (Plut. Cim. 16). Такая позиция Кимона не могла, разумеется, возникнуть спонтанно; она должна была быть унаследована им от отца.

Остается охарактеризовать группировку Фемистокла, в начале рассматриваемого периода незначительную, но крайне быстро набирающую силы. В историографии ее было принято обозначать как радикально-демократическую⁴⁹. Для определения ее реальной внешнеполитической ориентации этот вопрос не имеет существенного значения, поскольку само понятие «радикально-демократический» для начала V в. не наполняется определенным содержанием. Задача заключается скорее в том, чтобы, абстрагировавшись от общих дефиниций, по возможности конкретно очертить место данной группировки в заданной выше системе координат.

Антиперсидская направленность деятельности Фемистокла с полной ясностью прослеживается на протяжении двух первых десятилетий V в. до н.э. Но и ориентации на Спарту в его мероприятиях мы не находим, а на основании косвенных данных можно предположить прямое отсутствие таковой. Морская программа Фемистокла⁵⁰ –

⁴⁵ См. Berve H. Fürstliche Herren zur Zeit der Persenkriege // Die Antike. 1936. 12. S. 20.

⁴⁶ Thomsen. Op. cit. P. 109 ff.

⁴⁷ О походе Клеомена см. Picard Ch. Le «présage» de Cléoménès (507 av. J.-C.) et la divination sur l'Acropole d'Athènes // REG. 1930. 43. P. 262–278; Lenschau Th. König Kleomenes I. von Sparta // Klio. 1938. 31. S. 412–429; Tritle L.A. Kleomenes at Eleusis // Historia. 1988. 37. 4. S. 457–460.

⁴⁸ Herod. VI. 41. Marcellin. Vita Thuc. 18–19.

⁴⁹ Строецкий. Полис... С. 36.

⁵⁰ О ней см. Labarbe J. La loi navale de Thémistocle. P., 1957. Из работ о Фемистокле см. также Frost F.J. Themistocles' Place in Athenian Politics // California Studies in Classical Antiquity. 1968. 1. P. 73–104; Podlecki A.J. The Life of Themistocles. Montreal, 1975; Lenardon R.J. The Saga of Themistocles. L., 1978; Piccirilli L. Themistocle, Aristide, Cimone, Tucidide di Melesia fra politica e propaganda. Genova, 1987.

нечто совершенно не спартанское, в корне противоречащее установкам Лакедемона на приоритет сухопутной мощи, не говоря уже о том, что для чуть более позднего времени враждебность Фемистокла к Спарте зафиксирована вполне определенно (Plut. Them. 20).

Таким образом, позицию Фемистокла во внешнеполитических вопросах можно обозначить как «опору на собственные силы». Следует сразу оговорить, что это отнюдь не какая-то принципиальная идеологическая установка. Причина подобной ориентации – проще и прозаичнее. Еще А. Гомм заметил, что Фемистокл – единственный афинский политик вплоть до эпохи Пелопоннесской войны, происходивший не из городского, а из сельского дема (Фреарры)⁵¹. Очевидно, этим и объясняется его положение как homo novus в кругу афинской знати, а не его часто постулируемым «неполноценным» происхождением. Отец Фемистокла был аристократом, видимо, из боковой ветви рода Ликоимидов⁵², а статус матери до 451 г. до н.э., до закона Перикла о гражданстве не принимался во внимание, чего не учитывает Плутарх⁵³. Итак, Фемистокл – представитель сельской, неафинской аристократии, которая, в отличие от блестящей городской знати, не имела связей за пределами Аттики. У этого политика не было каких-то традиционных интересов или пристрастий во внешнеполитической сфере, отсюда – его «изоляционистская» позиция.

Ни одна из перечисленных четырех группировок не могла претендовать на безусловное лидерство. Для борьбы за власть приходилось создавать коалиции. Есть основания полагать, что вся политическая борьба рассматриваемого периода есть цепь таких коалиций, порой на наш современный взгляд достаточно «беспринципных». Предлагаемая далее реконструкция, безусловно, в значительной мере гипотетична. Но, возможно, она поможет объяснить ряд событий этого времени, в том числе связанных с применением закона об остракизме.

После 507 г. до н.э. Алкмеониды, всецело завладевшие симпатиями демоса, были сильнейшей группировкой⁵⁴. Судя по всему, поначалу к ним примыкал и Фемистокл. Характерно, что в его родном деме, Фреаррах, находились родовые поместья Алкмеонидов⁵⁵. Жена Фемистокла Архиппа происходила из дема Алопека (Plut. Them. 32), где располагалась главная резиденция Алкмеонидов. Позже Фемистокл, воспользовавшись, вероятно, непопулярностью проперсидской позиции Алкмеонидов, отколол от них значительную часть их сторонников, образовав собственную группировку⁵⁶. Первым значительным успехом этой группировки стало избрание ее лидера архонтом-эпонимом на 493/2 г.⁵⁷

Алкмеониды, видимо, еще несколько раньше были вынуждены вступить в союз с «друзьями тиранов», воспользовавшись общим тяготением к Персии. Результатами союза стали избрание Гиппарха, сына Харма, архонтом-эпонимом на 496/5 г. (Dion. Hal. Antiq. V. 77. 6; VI. 1. 1), отзыв военной помощи восставшим ионийцам (Herod. V. 103), наказание трагического поэта Фриниха за поставленную им в год архонтства

⁵¹ Gomme A.W. The Population of Athens in the Fifth and Fourth Centuries B.C. Repr. ed. Westport, 1986. P. 37–39.

⁵² Plut. Them. 1. Ср. Harvey F.D. Neokles, Father of Themistokles // Historia. 1980. 29. 2. S. 110–111.

⁵³ Кстати, П. Бикнелл пытался путем сложных и, на наш взгляд, не очень убедительных эмэндаций текста Плутарха доказать, что мать Фемистокла была не фракийкой и не карянской, а гречанкой из Кардии на Херсонесе Фракийском (Bicknell P.J. Themistokles' Father and Mother // Historia. 1982. 31. 2. P. 161–173).

⁵⁴ Thomsen. Op. cit. P. 129.

⁵⁵ Eliot C.W. Where did the Alkmaionidai Live? // Historia. 1967. 16. 3. S. 279–286; Bicknell. Studies... P. 1–53, 74; Littman. Op. cit. P. 81–106.

⁵⁶ Примерно так же несколькими десятилетиями раньше поступил Писистрат: Herod. I. 59; ср. Кыйв М. Три «партии» в Аттике в VI в. до н.э. в контексте социально-политической истории архаических Афин // Античный полис. СПб., 1995. С. 64–66; Lavelle. Op. cit. P. 90–91.

⁵⁷ Thuc. I. 93. 3; Dion. Hal. Antiq. VI. 34. 1.

Фемистокла (и, очевидно, не без его содействия⁵⁸) антиперсидскую трагедию «Взятие Милета» (Herod. VI. 21).

В том же 493 г. в Афины прибывает такая мощная политическая фигура, как бывший тиран Херсонеса Фракийского Мильтиад Младший, вокруг которого не могла не сформироваться группировка антиперсидской направленности. Весьма значительное состояние Мильтиада, его авторитет, богатый опыт – все это естественно выдвигало его в лидеры борьбы с «персидской угрозой». Это предвидели Алкмеониды; наиболее вероятно, что именно они сразу по прибытии Мильтиада возбудили против него судебный процесс (Herod. VI. 104), впрочем, без всякого успеха. Фемистокл в новой ситуации был вынужден на время отойти в тень и стать союзником Мильтиада.

В 489 г. до н.э., воспользовавшись охлаждением демоса к чрезмерно «возгордившемуся» Мильтиаду, Алкмеониды добились временного успеха и избавились от опасного соперника: Мильтиад был осужден по обвинению Ксантиппа⁵⁹. Фемистокл, судя по всему, не препятствовал процессу, ибо не мог не видеть в Мильтиаде заслоняющего его конкурента; к тому же ему не должны были импонировать проспартанская позиция последнего и его опора на сухопутное войско.

Приверженцы Мильтиада, лишившись лидера, автоматически оказывались в лагере Фемистокла как наиболее близкого по ориентации. Тогда же присутствие Гиппия в персидском войске при Марафоне (Herod. VI. 107–109) совершенно скомпрометировало группировку «друзей тиранов». Таким образом, в начале 480-х годов до н.э. в Афинах оказались две крупные, противостоящие друг другу группировки: Алкмеониды и сторонники Фемистокла. На какое-то время политическая борьба действительно приобрела биполярный характер.

Теперь-то и была впервые подготовлена почва для успешного применения закона об остракизме. Теперь была надежда на то, что кто-либо из «кандидатов» на изгнание наберет необходимое число голосов – 6000. Если ранее остракофории и проводились (пока мы не имеем данных для однозначного решения этого вопроса⁶⁰), то они в принципе не могли увенчаться успехом ввиду разброса голосов граждан как минимум по четырем группировкам. Так, в современных демократиях при отсутствии устоявшейся двухпартийной системы практически невозможна победа одного из кандидатов в первом туре. После вышеописанных событий вопрос в Афинах фактически стоял в следующей форме: либо Фемистокл, либо кто-то из Алкмеонидов или их сторонников.

Поэтому 480-е годы – время наиболее острого дуального противостояния – и ознаменовались крупнейшей в афинской истории серией остракизмов, в ходе которых Алкмеониды потерпели сокрушительное поражение. Если изгнание Гиппарха, сына Харма, в 487 г. до н.э. было во многом предрешиено неким *consensus omnium* (даже Алкмеониды, видимо, пытались отстраниться от столь скомпрометированного союзника), то дальнейшие остракофории продемонстрировали незаурядные тактические способности Фемистокла. Он и вышел из борьбы безусловным победителем⁶¹.

Становится понятным, почему столь велика доля Алкмеонидов среди изгнанных и подвергавшихся опасности изгнания в эти годы. Помимо бесспорно изгнанных Мегакла

⁵⁸ О связях Фемистокла и Фриниха см. *Vernant J.-P., Vidal-Naquet P. Mythe et tragédie en Grèce ancienne. T. 2. P., 1986. P. 97.*

⁵⁹ *Herod. VI. 136.* О суде над Мильтиадом см. *Carawan E.M. Eisangelia and Euthyna: The Trials of Miltiades, Themistocles, and Cimon // GRBS. 1987. 28. 2. P. 192–196; Суриков. Перикл... С. 19.*

⁶⁰ Однозначно отрицательный ответ на него Р. Томсена основывается на том факте, что среди тысяч найденных острака нет ни одного, хотя бы с малой долей уверенности относимого к периоду до 487 г. (Op. cit. P. 61–108, с подробным анализом острака). С самим этим наблюдением мы в целом согласны, но не стали бы делать далеко идущих выводов *e silentio*. Учтем, что на сегодняшний день найдена лишь малая доля существовавших острака, а эти черепки практически неуничтожимы, да, следует думать, никто их и не уничтожал. Иными словами, археологи просто обречены на новые крупные находки острака. А какие сюрпризы преподнесет каждая из подобных находок – об этом можно только гадать.

⁶¹ См. *Суриков. Афинский ареопаг... С. 34–35.*

и Ксантиппа, возможно, подверглись остракизму, как отмечалось выше, Каллий и Калликсен; высказывалось предположение, что к тому же периоду относится гипотетический первый остракизм близкого к Алкмеонидам Алквиада Старшего⁶². Подвергался угрозе остракизма еще целый ряд Алкмеонидов (в письменных источниках они не упоминаются, но стали известны из надписей на острака): Гиппократ, сын Алкмеонида; Гиппократ, сын Анаксилая; Ксантипп, сын Гиппократа; Алкмеон, сын Аристонида; Менон, сын Мегакла; Мегакл, сын Каллисфена; Мегакл из Анагирунта; Мегакл из Анафлиста; Мегакл из Ахарн; Арифрон, сын Ксантиппа⁶³ и др.⁶⁴

Переломный 480 год принес досрочное возвращение всех изгнанников ввиду персидской опасности⁶⁵. Приблизительно к тому же году относится, пожалуй, самый удачный из политических союзов, заключенных Алкмеонидами. Им удалось породниться со своими старыми соперниками Филаидами; подтверждением союза стал брак Кимона и Исодики из рода Алкмеонидов. К альянсу был подключен и еще один влиятельный афинский род – Керики: его представитель Каллий, сын Гиппоника (будущий знаменитый дипломат), женился на сестре Кимона Эльпинике⁶⁶.

Новая коалиция, направленная, несомненно, против Фемистокла, сразу приступила к действиям. Уже в 479/8 г. архонтом-эпонимом стал Ксантипп, сын Гиппократа (Marr. Par. A52; Diod. XI. 27. 1), а другой Ксантипп – отец Перикла – в качестве стратега (Diod. XI. 27. 3) одержал победу при Микале. Интересно рассмотреть состав афинского посольства в Спарту перед Платейской битвой (Plut. Aristid. 10). В его состав вошли Филаид Кимон и глава группировки Алкмеонидов Ксантипп. Третий член посольства Миронид вполне мог быть выходцем из рода Кериков⁶⁷, о чем говорит его патронимик – сын Каллия (Diod. XI. 81. 4; имя Каллий в Афинах чаще всего встречается именно у Кериков). Характерно, что Фемистокл в это крайне важное посольство не вошел. Инициатором посольства был Аристид. Нет достаточных оснований утверждать, как иногда делается⁶⁸, что этот политик примыкал к Алкмеонидам, но тот факт, что он был убежденным противником Фемистокла, не подлежит никакому

⁶² Лисий (XIV. 39) утверждает, что Мегакла (сына Гиппократа) и Алквиада Старшего изгоняли остракизмом по два раза (δύο ἀφοτέροις ἐξωστράκισαν). До недавнего времени к этому сообщению относились к недоверию; признавали единственный остракизм Алквиада, который датировали 485 годом (Carcopino J. L'ostracisme athénien. 2 ed. P., 1935. P. 111–112; Calderini A. L'ostracismo. Como, 1945. P. 46–48). Позже на основании начертаний букв на острака с именем Алквиада датировку его остракизма сместили к 460 г. (Vanderpool E. The Ostracism of the Elder Alkibiades // Hesperia. 1952. 21. 1. P. 1–8). В настоящее время, однако, некоторые исследователи начинают больше доверять Лисию и соответственно постулировать два остракизма Алквиада, первый из которых падает на начало 470-х годов (Bicknell P.J. Was Megakles Hippokratous Alopekethen Ostracized Twice? // L'Antiquité classique. 1975. 44. 1. P. 172–175). Что же касается вышеупомянутого Мегакла, то и его второй остракизм, если он действительно имел место, должен относиться к тому же времени (Rhodes. Op. cit. P. 274; Willemsen. Ostraka einer Meisterschale...).

⁶³ Высказывалось мнение (Lewis D.M. Megakles and Eretria // ZPE. 1993. 96. S. 51–52), что это сын Ксантиппа, старший брат Перикла. На наш взгляд, данного Арифрона резоннее отождествить с отцом Ксантиппа, дедом Перикла. См. Суриков И.Е. К интерпретации имени Арифрона на острака // ВДИ. 2000. № 4. С. 73 слл.

⁶⁴ Имена всех этих персонажей убедительно говорят об их происхождении из рода Алкмеонидов или, по меньшей мере, об их родстве с ним (Bicknell. Studies... P. 64–76).

⁶⁵ Figueira T.J. Residential Restrictions on the Athenian Ostracized // GRBS. 1987. 28. 3. P. 281–305.

⁶⁶ Davies J.K. Athenian Propertied Families, 600–300 B.C. Oxf., 1971. P. 305; Bicknell. Studies... P. 89–95; Littman. Op. cit. P. 190. Об Эльпинике см. Суриков И.Е. Женщины в политической жизни позднеархаических и раннеклассических Афин // Античный мир и его судьбы в последующие века. М., 1996. С. 46–47.

⁶⁷ Ср. Строгоцкий В.М. Греческая историческая мысль классического и эллинистического периодов об этапах развития афинской демократии. Горький, 1987. С. 48. Ср. Berti M. Note storiche e prosopografiche agli ostraka di Μυρωιδης Φλυεύς dal Kerameikós di Atene // Minima epigraphica et papyrologica. 1999. 2. P. 77–109, где высказывается мысль, что Миронид состоял в родстве с Кериками и Ликомидами (с последним мы не можем согласиться).

⁶⁸ Bicknell P.J. Athenian Politics and Genealogy: Some Pendants // Historia. 1974. 23. 2. S. 146–163.

сомнению. Очевидно, Аристид также был привлечен к вновь созданному альянсу. Этому способствовало и его родство с Кериками (Plut. Aristid. 25)⁶⁹.

В дальнейшем, уже в конце 470-х годов до н.э., борьба объединившихся аристократов против ослабленной группировки Фемистокла привела к его остракизму, а затем – к обвинению в измене и заочному осуждению⁷⁰. Но этот сюжет уже выходит за рамки данной статьи.

Впрочем, в целом альянс давних соперников, созданный для конкретной цели, не мог оказаться достаточно долговечным. Выиграл от него в первую очередь Кимон; этот молодой, но уже широко известный благодаря славе отца политик и военачальник в скором времени стал наиболее влиятельной фигурой в Афинах. Алкмеониды же после 480–470-х годов фактически сошли с политической сцены: их репутация была все же значительно подорвана серией остракизов и дискредитирующей пропагандой. В ходе борьбы группировок противники предъявляли представителям этого рода самые различные обвинения: в родовом проклятии полуторавековой давности⁷¹, в помощи изгнанным тиранам и особенно часто – в персидской измене. Собственно, слово «мидизм» (μιδισμός) имело широкое значение и могло обозначать не только измену как таковую, сотрудничество с «мидянами», но и, скажем, просто приверженность персидскому образу жизни. Обвинение в мидизме было одним из наиболее популярных пропагандистских ходов в политической борьбе начала V в. до н.э. (да и позже⁷²), применявшимся против разных политиков и по разным поводам⁷³. Однако именно Алкмеониды подвергались наиболее интенсивным нападкам, что, кстати, и побудило впоследствии Геродота (VI. 121–131) выступить с аргументированной апологией-отповедью.

Конкретным деянием, инкриминировавшимся роду, был якобы данный сигнал персам во время Марафонского сражения⁷⁴. Независимо от обоснованности этого обвинения⁷⁵ оно сыграло серьезную роль в изгнании остракизмом ряда представителей рода. Да и позже отпечаток подобных обвинений на Алкмеонидах, видимо, все же лежал, хотя последствий этого не следует ни преуменьшать, ни преувеличивать. Известны по меньшей мере два афинских посла в Персию из рода Алкмеонидов, оба – в период Пелопоннесской войны⁷⁶. Трудно представить в роли послов лиц, подозреваемых в склонности к измене и не пользующихся доверием граждан. Но, с другой стороны, примерно в те же годы вышла «История» Геродота с ее апологетическим

⁶⁹ Как считается, его отец Лисимах взял в жены одну из трех дочерей Каллия, сына Фениппа, знаменитого врага Писистрата (Shapiro. Op. cit.).

⁷⁰ Строгоцкий. Полис... С. 42–43; Hignett C. A History of the Athenian Constitution to the End of the Fifth Century B.C. Oxf., 1952. P. 190; Bengtson H. Griechische Geschichte von den Anfängen bis in die römische Kaiserzeit. 3 Aufl. München, 1974. S. 148; Podlecki. Op. cit. P. 131.

⁷¹ Подробнее см. Суриков. По поводу новой публикации острака. С. 143–144.

⁷² Полвека спустя Анаксагора судили не только за нечестие, но вменяли ему в вину еще и «мидизм» (Diog. Laert. II. 12). О суде над Анаксагором см. Schachermeyr F. Religionspolitik und Religiosität bei Perikles. Wien, 1968. S. 71 ff.; Prandi L. I processi contro Fidia, Aspasia, Anassagora e l'opposizione a Pericle // Aevum. 1977. 51. 1/2. P. 10–26; Залюбовина Г.Т. Борьба за сохранение полисной религии в период кризиса гражданской общины // Традиционная культура народов Западной Европы. Благовещенск, 1996. С. 23–42; Никитюк Е.В. Процессы по обвинению в нечестии (асебейе) в Афинах во второй половине V в. до н.э. // Античный мир: Проблемы истории и культуры. СПб., 1998. С. 122 слл.

⁷³ О мидизме см. Wolski J. Μιδισμός et son importance en Grèce à l'époque des guerres médiques // Historia. 1973. 22. 1. S. 3–15; Gillis D. Collaboration with the Persians. Wiesbaden, 1979. P. 39–81.

⁷⁴ Herod. VI. 115; подробнее о событии см. Hudson H.G. The Shield Signal at Marathon // American Historical Review. 1937. 42. 3. P. 443–459.

⁷⁵ Современные исследователи в основном не склонны считать его обоснованным: Cloché. Op. cit. P. 279; McGregor. Op. cit; Sealey R. A History of the Greek City States ca. 700–338 B.C. Berkeley, 1976. P. 203; Holladay J. Medism at Athens, 508–480 B.C. // Greece and Rome. 1978. 25. 2. P. 174–191; Williams. The Image of the Alkmeonidai... Значительно реже факт измены признается: Gillis. Collaboration... P. 45–58.

⁷⁶ Мегакл (сын упоминавшегося выше Мегакла) около 430 г. (Aristoph. Ach. 613 sqq. cum schol.) и Евриптолем в начале 400-х годов. (Xen. Hell. I. 3. 12–13).

пассажем об Алкмеонидах, имевшим смысл только в том случае, если старые обвинения были еще злободневны⁷⁷.

В «закате» Алкмеонидов сыграло свою роль и то обстоятельство, что род в течение определенного времени не мог выдвинуть сильного лидера, достойного соперника Кимона. Когда же такой лидер появился в лице Перикла⁷⁸, расклад политических сил был уже совершенно иным. Былые противоречия, характерные для начала V в. до н.э., остались в прошлом; не в последнюю очередь это было связано с тем, что полностью изменились внешнеполитические условия, расстановка сил на «международной» арене. Соответственно претерпели перемены и позиции политических групп.

В данной статье была предпринята возможная на достигнутом к текущему моменту уroveň освоения материала попытка реконструкции одного из сложнейших периодов политической истории Афин, попытка разрешения затруднений, которые возникают при исследовании свидетельств источников о введении и применении процедуры ostracism. Безусловно, многое в предложенных интерпретациях гипотетично, ряд вопросов еще ждет окончательного ответа. Но об одном, думается, можно уже судить с достаточной долей уверенности. Политическая жизнь рассматриваемой эпохи была значительно сложнее, неоднозначнее, нежели это обычно представляется. Она не укладывается в рамки зачастую прилагаемых к ней упрощенных и модернизирующих схем. Многие ее особенности обусловлены общими параметрами самого феномена полиса, ко все более всестороннему, многогранному пониманию которого движется наука об античности⁷⁹.

И.Е. Суриков

POLITICAL STRUGGLE IN ATHENS IN EARLY 5th C. BC AND THE FIRST OSTRAKOPHORIES

I. Ye. Surikov

The article is devoted to an important and not quite solved problem of the political life in early Classic Athens: the first ostrakophories in the context of the struggle of political factions. In addition to the narrative sources, the author turns to the ostraka found at the Athenian Agora and Ceramicus. The question that has not been solved so far is why the law of ostracism adopted not later than in late 6th c. BC, was not applied till about twenty years later, i.e. in 487. Proceeding from the premise that to ostracize a person 6000 votes were needed (according to Philochorus and, quite possibly, Theophrastus), one can reconstruct the events of that time as follows. At least four political factions existed in early 4th c. Athens, their differences concerning foreign policy, i.e. their attitude towards Persia and Sparta. The sources make it possible to speak of a pro-Persian faction, a pro-Spartan one («friends of the tyrants»), a moderate pro-Persian and anti-Spartan Alcmaeonid faction, Philaid faction led by Miltiades who was Laconophile and hostile to Persia, and, finally, Themistocles faction, which was, to some extent, an isolationist one. After the battle of Marathon, two events (full discreditation of Pisistratidae who stayed in Athens and the condemnation of Miltiades) changed the situation: two large factions, Alcmaeonidae and Themistocles' supporters came into conflict with each other, thus making political life bipolar. It was at this very moment that the ground was prepared for a successful ostracism, for it could now be expected that a «candidate» for ostracism would have 6000 votes against him, while earlier the citizens' votes were dispersed among the four factions at least. This is why 480es were characterized by the greatest series of ostracisms in the history of Athens, and as a result of it, Alcmaeonidae were decisively defeated. In early 470es, though, having entered into alliance with Philaidae and Ceryces, they managed to take revenge to some extent. But soon after that they left the political scene for long. Their reputation was undermined seriously by several cases of banishment and discrediting propaganda; besides, for some time this family could not produce a strong leader. When such a leader appeared in the person of Pericles, political constellations had already become quite different, which was connected with a new situation in «world» politics.

⁷⁷ Ср. *How W.W., Wells J. A Commentary on Herodotus. V. 2. Oxf., 1912. P. 115 ff.*

⁷⁸ О связях Перикла с Алкмеонидами см. *Sealey R. The Entry of Pericles into History // Perikles und seine Zeit. Darmstadt, 1979. S. 144–161; Суриков. Перикл... Passim.*

⁷⁹ О возрастающем значении исследований политической жизни в современных антиковедческих штудиях см. *Mossé C. Dictionnaire de la civilisation grecque. Bruxelles, 1992. P. 52.*